

ЮРИЙ МЕЛКОВ,

кандидат философских наук, координатор
проектов Благотворительной организации
“Центр практической философии”

Постсоветское общество: Новое Средневековье

Abstract

The article is devoted to investigation of feudal or quasi-feudal elements present in the structure of contemporary society of post-soviet Ukraine, as well as other countries. It is shown that the new elites quite differ from traditional upper classes in accepting no social responsibility. Due to the privatization (re-feudalization) of social sphere, elites are now value-restricted while sharing market cosmopolitanism values of the global 'new estate' and rejecting traditional cultural values.

Целью данной статьи является попытка рассмотреть некоторые особенности современного общества, которые позволяют и вынуждают исследователя обозначать это общество как “неосословное”, по выражению Е. Головахи [1, с. 16]. Употребление исторического, даже архаического термина “сословие” здесь явно не случайно. Несмотря на то, что буквальное законодательное закрепление соответствующего социального расслоения отсутствует, структура страт в современном обществе качественно отличается от хрестоматийных классов эпохи Модерна и определенными своими чертами все более начинает напоминать общество эпохи Средневековья.

Точнее, по словам А. Зиновьева, постсоветское общество странным образом соединяет в себе свойства социализма советского периода, западного капитализма и феодализма [2, с. 321]. И если присутствие первого (объясняемого чаще всего как пережиток) и второго (официально выступающего в качестве провозглашенной желаемой цели) особых вопросов не вызывает, то восстание из пепла элементов строя феодального не может не интриговать и не настораживать. Сразу хочется вспомнить дополнение Маркса к словам Гегеля по поводу того, что второй раз история повторяется уже в виде фарса. В этом отношении выражение “Новое Средневековье”, употребляемое для характеристики современной ситуации, оказывается весьма уместным, хотя

она и представляет собой карикатуру на то “Новое Средневековье”, которое, например, описывал в начале XX в. Н.Бердяев, размышляя о возрождении духовности и аристократизма как власти “лучших” в обществе.

Собственно говоря, новым квазиаристократическим сословием предстает перед нами так называемая элита, к которой принято относить, прежде всего, элиту политическую, управленческую. Правда, само слово “элита” давно уже употребляется в нашем повседневном отечественном дискурсе далеко не в первоначальном своем аристократическом значении “лучшей”, авторитетной части общества, хранителей и творцов традиций и ценностей общества, а в значении узкого и замкнутого круга людей, профессиональных политиков, занимающихся недоступным для простых смертных делом управления обществом. В этот круг, впрочем, входят также и прочие “успешные” люди — но на первом месте по смыслу все равно оказывается замкнутость, *экссклюзивность*, а вовсе не *качество*.

Сегодня часто можно услышать совершенно серьезные сетования отечественных политологов и социологов по поводу того, что в независимой Украине почему-то сформировалась “плохая”, суррогатная, псевдоэлита, вместо ожидаемой “хорошей” [см., напр.: 3, с. 186; 4, с. 4–5]. Вне всякого сомнения это так. Но проблема, на мой взгляд, заключается в том, что в современной ситуации просто не может быть иначе: изменилось не просто понимание термина “элита”, изменились сами аксиологические основы формирования такого “привилегированного” слоя общества — таким образом, что “хорошая” элита сегодня не может образоваться по определению.

Американский социолог К.Лэш в работе с недвусмысленным названием “Восстание элит и предательство демократии” как раз и показывает радикальное различие новой и старой элит. Так, ранее элитарность характеризовалась такими особенностями, как оседлость, патриотическая привязанность к определенной местности, благотворительность и меценатство, благородное первенство обязанностей перед правами, в духе Х.Ортеги-и-Гассета и уже упомянутого Н.Бердяева. Нынешние же представители элиты скорее походят на худшие образцы “массы” в описании упомянутых аристократических исследователей: ведут кочевой образ жизни, отличаются как отсутствием уважения к традиции и непризнанием собственных обязанностей, так и, в особенности, изоляцией от всего остального населения, — “по сути, они изъяли себя из общей жизни” [5, с. 40].

Ситуация в Украине, как и в других новых независимых государствах, усугубляется (и делается еще более интересной для исследователя) в силу того простого обстоятельства, что постсоветская элита образовалась из советской номенклатуры, и без того имевшей мало общего с благородным аристократическим сословием, отличающемся — по крайней мере, в теории — щедростью, честностью и приверженностью к традиционным национальным ценностям. Что особенно примечательно, так это ирония фарса-истории: наше современное “Новое Средневековье” с его “новым дворянством” и неосословной структурой общества пришло на смену такому общественному устройству советского периода, которое — опять-таки, в теории — предполагало определенный возврат на новом уровне к доклассовому обществу, к формам собственности, характерным для первобытнообщинного строя.

Да, стоит признать, что удачной практической реализацией принципа всеобщей народной собственности на средства производства советская власть похвастаться не могла. С позиций классического подхода к собствен-

ности, характерного и для человека XX века, “общая собственность” рассматривалась и рассматривается едва ли не как противоречие в определении: как та же частная собственность, только находящаяся в руках государства, то есть скорее корпоративная, а не коммунистически-общенародная. Канадский мыслитель К.Б.Макферсон, обращая внимание на это важное обстоятельство, так обрисовывает принципиальное различие между двумя формами собственности: “Общая собственность создается гарантией каждому индивиду, что он не будет исключен из использования чего-либо; частная собственность создается гарантией, что индивид может исключать других из использования чего-либо” [6, с. 124].

Печально известная *приватизация* общественной собственности, которая состоялась в 1990-е годы и заложила материальную основу формирования неосословного общества, вполне сопоставима с историческим переходом от общинного землевладения к феодальному. Особенно ярко эта сопоставимость заметна, если проследить ее на примере Северной (горной) Шотландии, в которой окончательное разложение родового строя происходило по европейским меркам крайне поздно и искусственно ускоренными темпами, а потому пример этот достаточно известен и нагляден. Попросту говоря, предводители родовых кланов достаточно быстро, на протяжении XVII–XVIII веков превратились в крупных землевладельцев — объявив своей частной собственностью земли клана, по отношению к которым они традиционно были не более чем облеченными общественным доверием защитниками и охранителями. Соответственно, вожди прежде всего отбросили свою традиционную клановую ответственность, инкорпорировались в ряды британской аристократии и нарождающейся буржуазии и научились воспринимать землю как не более чем источник дохода — частную собственность. Можно вспомнить и политику “ограждений”, когда “овцы стали поедать людей” — ограбленным рядовым членам кланов оставалось либо вымереть, либо в массовом порядке иммигрировать в Новый Свет.

Приватизация социалистической собственности, произошедшая в 1990-х, еще ожидает своих историков¹, но некоторые социальные ее последствия и без того очевидны. Номенклатура “красных директоров”, назначенных или избранных быть хранителями общей собственности, присвоила эту общую собственность, превратившись в новую постсоветскую элиту и приобщившись к сословию глобальной буржуазии. Однако стоит снова подчеркнуть некоторые специфические особенности нашего “Нового Средневековья”, отличающие его от Средневековья классического. Как уже отмечалось, происхождение современной постсоветской элиты в корне отличается от такового элиты классической европейской: механизм формирования номенклатуры эпохи СССР характеризовался изначальной рационалистической установкой. Избирались “лучшие люди” из рабочего класса, разделявшие господствовавшие ценности коммунистической идеологии. Собственно, ценностная “измена” этой элиты, молчаливый отказ от обязательств и ответственности — все это произошло гораздо раньше официальной приватизации, в 1960–1970-х годах, когда, по мнению Б.Кагарлицкого,

¹ Можно указать на замечательную, в какой-то мере публицистическую работу Б.Кагарлицкого “Реставрация в России” [7].

общественная собственность начала повсеместно восприниматься как корпоративная [7, с. 25].

Тем не менее, предательство новообразованной элитой интересов и ценностей народных масс в данном случае еще более наглядно, нежели в примере из истории Шотландии и тем более древнейших трансформаций от родового общинного общества к феодальному. Можно даже сказать, как мне кажется, что барьер, отделяющий в настоящее время элиту от общества, носит именно *ценностный* характер. Элитарное сообщество открыто, в некотором смысле, для всех желающих: никаких ограничений, связанных с наследственными привилегиями, — которые позволили бы именовать новую элиту сословием в точном историческом смысле этого слова, — на первый взгляд не существует.

Но в ряды нового сословия вступает только тот, кто разделяет ценности этого нового сословия — и не просто разделяет, но и реализует их на практике, в отличие от советской номенклатуры. Один из вождей упоминавшейся странной приватизации 1990-х годов, россиянин А. Чубайс, так сформулировал кредо элиты: “Суть спонтанной приватизации можно сформулировать двумя фразами: если ты наглый, смелый, решительный и много чего знаешь¹ — ты получишь все. Если ты не очень наглый и не очень смелый — сиди и молчи в тряпочку” [цит. по: 8, с. 236]. Надо прибавить, что речь идет не только о личных качествах и свойствах характера — наподобие, например, характерных черт иммигранта, готового бросить отечество и переселиться в Новый Свет, что и формировало национальный характер гражданина США. Подобные качества продемонстрировали и возвели в идеал именно представители бывшей партийной номенклатуры, объявившие себя демократами западного образца и таким образом предавшие те традиции и ценности, которые они в свое время были избраны и призваны охранять. Постмодернистский российский писатель В. Пелевин язвительно сравнивает эту ситуацию с такой воображаемой послевоенной Германией, в которой “доктор Геббельс истерически орет по радио о пропасти, в которую фашизм увлек нацию, бывший комендант Освенцима возглавляет комиссию по отлову нацистских преступников, генералы СС просто и доходчиво говорят о либеральных ценностях, а возглавляет всю лавочку прозревший наконец гауляйтер Восточной Пруссии” [цит. по: 7, с. 30].

Именно в этом и заключается “сословность” новой элиты: она *принципиально закрыта для всех, кто способен по-настоящему исповедовать какие-либо идеалы, традиции и ценности* — если не считать таковыми ценности и традиции “успеха” и рыночно-материального достатка. Поэтому повторю: мнения украинских исследователей в области социологии и политологии, согласно которым в украинском обществе образовалась некачественная псевдоэлита и следует стремиться к ее превращению в “хорошую”, “ценностную” элиту, не совсем корректны. Элита в условиях несословного, нефеодального общества неизбежно формируется по ценностям этого общества — хотя, возможно, следовало бы употреблять здесь какой-нибудь более точный и экспрессивный термин, на манер “антиценности”. То есть име-

---

¹ “Знания”, разумеется, не в интеллектуальном смысле, а в житейском, в смысле знания ситуации, знания “что к чему”, или знания “шантажирующего”, как поясняет эту цитату А. Панарин.

ются в виду такие ценности, которые не объединяют людей, а напротив разделяют и озлобляют их, насаждая в украинском обществе ситуацию разобщенности и “войны всех против всех”.

Характеристика чего-либо в качестве “элитарного” действительно определяет не столько его качество, сколько его недоступность прочим людям, “широким массам”, что соответствует современному пониманию частной собственности вообще как исключительной. Именно этот смысл и вкладывается в ставшие уже привычными в наши дни маркетинговые обозначения: “элитный товар”, “элитные школы”, “элитные дома” [см.: 11] — парадоксально, но в эпоху провозглашаемой на словах демократии никто не употребляет для обозначения престижных товаров эпитет “демократичный” — скорее наоборот.

Более того, как раз малопрестижные товары и услуги в обществе принято обозначать как “социальные” — и это не случайность и не оговорка. Замкнутость новой элиты — ее изначальное позиционирование через противопоставление себя собственно обществу. Если в предыдущие исторические эпохи при существовании сословий социальная мобильность была ограничена, но общество в целом выступало общим для всех сословий пространством, то ныне при кажущейся беспредельной социальной мобильности закрытое элитарное сообщество противостоит социальному пространству, агрессивно выделяется из него.

Социальная сфера попросту становится уделом низших, неуважаемых слоев населения. Достаточно сравнить старомодное выражение “человек из общества”, означающее высокий социальный статус описываемой личности, — и “социальщика”, эту презренную кличку бедного человека, который, по выражению английского исследователя К.Крауча, не может позволить себе ничего, кроме государственного образования, государственной медицины и т. д. Социальное обеспечение, столь ценимое в считавшемся совсем недавно идеалом обществе благосостояния, оказывается — “скорее наказанием, чем правом” [9, с. 89].

Социальное не просто уничтожается и гибнет, как об этом говорят К.Крауч, Ж.Бодрийяр и другие пессимистически настроенные авторы, — оно скорее приватизируется: *приватизация социального пространства* произошла одновременно с приватизацией общественной собственности в постсоветском обществе. Ю.Хабермас в своей первой крупной работе — диссертации 1962 года называет подобный феномен “рефеодализацией общественной сферы” (*Refeudalisierung der Öffentlichkeit*, [см.: 10, с. 90]). Правда, к выводу о существовании данного процесса немецкий исследователь приходит в ходе своего анализа социальных условий конца XIX века — по моему мнению, наше время с куда большим основанием заслуживает этой характеристики.

Процесс рефеодализации, по Хабермасу, заключается в обретении частными интересами непосредственных политических функций: крупные корпорации начинают постепенно контролировать общественную сферу (прежде всего, через средства массовой информации) и собственно государство. Последнее же, в свою очередь, выступает все более активным игроком в сфере частного, размывая границы частного и общественного и превращая граждан в потребителей. Хабермас подчеркивает: сущность общественной сферы заключается в ее универсальности, и как только какие-либо социальные группы оказываются исключенными из этой сферы, она не просто становится менее полной или менее адекватной — а попросту перестает существовать.

Критики концепции Хабермаса указывают на его максимализм в этом вопросе и отмечают, что те или иные группы (например, дети или умалишенные) всегда были исключены из сферы публичного даже в государствах и обществах, наиболее близких к идеалу демократического участия. Однако, как мне кажется, новая исключительность — дело, все-таки, принципиально иное. Народные массы, не входящие в элиту, пресловутые ленинские “кухарки”, априори объявляются *неспособными* к делу, к которому призвана элита, — прежде всего, к делу управления обществом и государством. И хуже всего то, что не предпринимается никаких усилий по увеличению их способности, их уровня компетентности в этом управлении (Ленин еще мог говорить о привлечении “поголовно всех граждан к непосредственному и ежедневному несению своей доли тягот по управлению государством”). Напротив, делается все возможное, чтобы отвратить внимание народа от руководства собственной жизнью, внедрить в оставшиеся еще рудименты общественного сознания мысль о том, что управление обществом, политика — это дело сложное, дело немногих, профессионалов, “экспертов”. И, конечно же, под рукой не оказывается ни критериев для определения уровня профессионализма тех же экспертов, ни — в особенности — средств для контроля ответственности или хотя бы подотчетности последних перед массами, не входящими в круг нового сословия. В эпоху глобализации неосословная замкнутость не мешает, а только способствует единению глобальной элиты — и “ответственность” понимается скорее как взаимная внутрисословная солидарность представителей нового сословия всех стран мира.

Особенно это касается “золотой молодежи” — нового поколения постсоветской элиты, воспринимающей текущее положение дел как естественное — а свои приватизированные (украденные) привилегии как врожденные добродетели. Причем, как показывают исследователи второго поколения элиты педагоги И.Медведева и Т.Шишова, дети бывшей номенклатуры не испытывают и последних угрызений совести, никак не идентифицируя себя с собственным народом. “В результате мы получим капитана, который терпеть не может свой корабль и команду — а следовательно, не заботится о них — и к тому же не знает ни устройства этого корабля, ни тонкостей навигации” [11]. Стоит ли добавлять, что подобная картина характерна не только для Украины и других постсоветских государств, но и для всего мира в целом — ведь тот же К.Лэш заговорил о предательстве элит еще ранее А.Панарина.

Корень проблемы, по моему мнению, следует искать не столько в недостатках аристократического воспитания нового поколения, сколько в упомянутом крушении единого социального пространства. Разумеется, приватизация социального затронула массы — бывший народ, а ныне бодрый-ровское “молчаливое большинство” — ничуть не в меньшей, а то и в большей мере, нежели бывших вождей, ставших “антиценностной” элитой. Но массы, удалившись в свое приватное — в семью, в трудовую деятельность, в виртуальное творчество — все же оказываются ближе к социальной реальности, чем новое сословие элит, уже по самому характеру своей производственной деятельности. Массы, по выражению польского социолога Ядвиги Станицкис, оказываются “прагматичнее” элит и не очень охотно поддаются на провокации последних, в частности, в духе различных новомодных “революций” сверху [12].

Однако прагматичность масс нисколько не решает проблему исчезновения единого социального пространства и нисколько не уменьшает опас-

ность, проистекающую от того, что в новой ситуации лишь одно сословие является “говорящим” — только элита обладает способностью артикулировать свои преференции, только от ее имени вещают национальные и глобальные средства массовой информации, только с чаяниями и надеждами элиты может идентифицировать себя современный человек. Мы знаем все о западном обществе, мы знакомы с мельчайшими интимными подробностями его быта, с его горестями и радостями, — а большинство населения нашей планеты по-прежнему остается молчаливым. Разве что в “актах терроризма” можно услышать немой вопль тех, кто лишен возможности сказать о себе по-другому, по-цивилизованному, — да и те деяния, разумеется, предстают пред нами в интерпретации и с точки зрения нового мирового привилегированного сословия. Причем невидимым и неслышимым пребывает не просто большинство, а трудовое большинство, занятое в производстве продуктов первой жизненной необходимости, бывший рабочий класс, ныне глобализированный и экспортированный подальше от объективов телекамер, на задворки третьего мира, дабы не травмировать своим малокультурным обликом утонченных представителей элиты.

Новое сословие не просто пребывает в замкнутости и оторванности от реального общества — оно активно занято конструированием *собственной социальной реальности* (вспомним название работы по феноменологической социологии Бергера и Лукмана). В результате научная объективность подменяется в лучшем случае интересубъективностью и конвенциональностью, а то и просто откровенным фантазированием; социология оказывается вспомогательно-эмпирической наукой, призванной хоть в какой-то мере сообщить власть имущим об интересах и желаниях управляемых (разумеется, на позитивистском языке все той же элиты, за непониманием ею другого языка), а политика превращается в политтехнологию — средство для манипуляции бессловесными животными массами...

Тем более удивительно, что подобная ситуация продолжает именоваться *демократией*, хотя в реальности наше общество уже давно пребывает в условиях постдемократии (подр. см.: [13]). Как показывают такие исследователи, как Ю.Хабермас и Б.Барбер, демократия непременно предполагает общенародный доступ к языку, в противоположность диктатуре экспертных элит. “Если в определении демократии как народного суверенитета есть какой-то смысл, то это суверенитет над языком — над речью говорящих и над ними самими” [14, с. 193]. Другими словами, факт народного волеизъявления (например, в ходе выборов или даже организованных элитой “цветных” революций) нисколько не противоречит сословной структуре современного общества — по той простой причине, что повестку дня, язык, на котором сформулирован вопрос, выносимый на референдум, лозунги, предлагаемые “восставшему народу” — определяет только сама новая элита. Разумеется, к собственно демократии это никакого отношения не имеет.

Более того, как уже замечалось, элита (в широком смысле — “золотой миллиард”) полностью контролирует все информационное пространство, пришедшее на смену пространству социальному и составляющее потому средоточие современного “информационного” общества. А в итоге получается довольно странная ситуация: массы, не входящие в круг элиты, изгнанные из общества процессами приватизации этого самого общества, не имеют ни своего собственного языка, ни собственной идентичности, ни, соответственно, самосознания — то есть они могут совершенно искренне (и совер-

шенно иллюзорно) считать себя представителями элиты и идентифицировать свои интересы с интересами глобального нового сословия, как бы ни были первые в реальности своей противоположны вторым.

Ж. де Местр, который был весьма проникательным социальным мыслителем, хотя и являлся одним из немногих последовательных консерваторов, рассказывает в своих “Петербургских письмах” о таком интересном наблюдении: ему как-то встретился русский купец конца XVIII века, восхищающийся республиканским строем античного общества. Де Местр заключает: “Он уже воображает себя плебейским консулом, отнюдь не думая о тех рабах, которых так много было у римлян и которые использовались как вьючные животные” [15, с. 124]. По-моему, в настоящее время в роли такого недалекого купца оказывается подавляющее большинство народонаселения...

Такое “раздвоение идентичности” — вовсе не теоретический казус и не просто повод для праздных умствований или зубоскальства, которое еще мог позволить себе де Местр в монархической Европе два столетия назад. Скорее, подобная ситуация может рассматриваться и как фактор социальной нестабильности, и как провозвестник будущей глобальной катастрофы. Р.Мертон в своем фундаментальном исследовании о социальной структуре описывает такое девиантное поведение “как симптом рассогласованности между культурно предписанными стремлениями и социально структурированными средствами их реализации” [16, с. 120]. То есть провозглашение элитарной модели образа жизни в качестве общезначимой при заведомой структурной невозможности ее реализации (даже оставляя за скобками нравственную сторону “успеха” как всеобщей “ценности”) неминуемо ведет к разрушению социальных норм и институтов. В принципе, похожая ситуация имела место в США 1920-х годах, когда, несмотря на растущее социальное неравенство и неадекватность биржевой “виртуальной” экономики, средний американец верил в то, что достижение им “успеха” — всего лишь вопрос времени. Конструируемая таким образом социальная реальность была, должно быть, вполне комфортной для обитания среднего американца — но мало соответствовала реальности объективной, а потому и привела в итоге к “великой депрессии”. Современная же ситуация отличается куда большими, глобальными масштабами.

Но, может быть, и правда, что социальное пространство исчезло по вполне объективным причинам, а не в результате обманной приватизации, и не существует никакого сообщества и никаких ценностей, помимо декларируемых элитарных? Так, Е.Головаха, говоря о неосословном обществе, приходит к выводу, что “новая элита” — это нормальные, ничем не выдающиеся люди, придерживающиеся общих для всех ценностей. “Посадите любого рядового, возмущенного этой коррупцией и привилегиями человека в “номенклатурное” кресло, и он начнет работать в направлении собственного обогащения” [1, с. 61]. Однако, на мой взгляд, проблема не в том, что элита разделяет общие для всех ценности (ценности, по справедливому мнению Е.Головахи, “негативные”: на основе денег как доминантной ценности невозможна никакая консолидация в обществе), — проблема в том, что элита благодаря монополии “говорящего сословия” на информацию, на “свободу” слова, как уже отмечалось, представляет собственные антиценности как общезначимые, как норму поведения и жизнедеятельности, как тот идеал “успеха”, которым должен мерить свою судьбу и к достижению которого должен устремлять все свои усилия каждый современный человек.

Это вовсе не означает, что таково реальное положение дел — скорее, наоборот, иначе не стоило бы тратить такие титанические усилия на пропаганду элитарного образа жизни, заведомо катастрофического (хотя бы в экологическом отношении, не говоря уже о социальном или нравственном) и заведомо несбыточного в планетарных масштабах. А потому противопоставить замкнутому элитарному сообществу можно только *иные сообщества*, построенные на иных ценностях. Конечно, пытаться предсказать в более или менее точных чертах грядущую глобальную антисловную революцию было бы неблагодарным (и ненаучным) делом. Но задаться вопросом о дальнейших сценариях социального развития исследователям не только можно, но и должно.

По моему мнению, не следует смотреть на образование неословного общества и приватизацию некогда единого и общедоступного социального пространства исключительно с пессимистических позиций. Гибель социального — это, прежде всего, конец старой формы его существования — *национального государства*, бывшего основной ареной жизнедеятельности человеческого общества последние несколько столетий. Смерти государства способствует не только и не столько глобализация, проводимая пока что “сверху”, руками и в интересах глобальной элиты и вызывающая резкие протесты со стороны “альтерглобалистов”. Наряду с глобализацией существует и все более мощное явление локализации, возвращение мира “в довестфальскую эпоху” [17, с. 190], по выражению лидера течения коммунитаристов А.Этциони.

Национальное государство погибает не только по причине его неадекватности нынешнему уровню развития глобальной экономики, но и благодаря росту человеческой личности, образованию сообществ, которые консолидированы более конкретными ценностями, нежели национально-государственная идеология, все более утрачивающая сегодня свое жизненное пространство. Организованные в сообщества, люди осознают ненужность и избыточность самого существования в обществе управляющей элиты и ее образа жизни. Функции подобной элиты могут оказаться востребованными лишь в случае появления единого мирового государства, что оказывается в наши дни все менее и менее вероятным. Что касается ценностей национальных — то здесь глобальное и вестернизированное новое сословие, как уже отмечалось, выступает в авангарде их разрушителей. Но вместе с национальным государством, по моему мнению, постепенно разрушается и сам принцип деления общества на элиту и массу.

“Que se vayan todos!” (Пусть они все уходят!) — таков лозунг поднимающихся народных движений по всему миру, движений антисловных, антиэлитарных. К этому же призывал людей и А.Зиновьев, говоря о необходимости “изолировать власть от общества”: альтернативой приспособлению к антиценностям властной элиты оказывается только способ полагания каждой личности как отдельного суверенного государства, способ “создать свое маленькое автономное общество, соответствующее моему идеалу” [2, с. 16]. Когда каждый человек становится руководителем собственной жизни, то есть, философски говоря, развивается до уровня личности, отпадает необходимость в существовании особого сословия управителей. Собственно, это и есть теория коммунизма, если закрыть глаза на то обстоятельство, что под этим именем нашим соотечественникам много лет предлагалась система власти номенклатуры, образовавшей в ходе глобализации текущую ситуацию Нового Средневековья.

Однако, как мне кажется, Новое Средневековье возможно и в иной ипостаси — в форме “аристократии каждого”, по удачному выражению Б.Барбера [18], когда членами привилегированного, образованного сословия становятся все люди *без исключения*, когда сообщества, возникающие на развалинах единого социального пространства эпохи национального государства, практикующие различные ценности, мировоззрения и идеологии, не противостоят друг другу в глобальном мире, но дополняют друг друга. Ситуация многих сообществ и распад единого социального пространства является, особенно в Украине, реакцией на классический монизм, на попытку насадить в тоталитарном государстве единую для всех граждан идеологию, единую систему ценностей. Но отказ от ценностей и отказ от идеологии влечет к еще большей катастрофе, поскольку оборачивается неосословным обществом без какого бы то ни было чувства ответственности управляющей элиты за будущее человечества и перед остальным народом. Поэтому альтернативой может быть лишь создание в глобальном масштабе конфедерации сообществ, основанных на различных ценностях и идентичностях, но признающих универсальность общей ответственности за судьбу планеты.

Итак, в результате такого предварительного рассмотрения можно сделать некоторые выводы. Социальная структура общества, характерная для постсоветских стран, в частности для Украины, позволяет обозначать такие общества как неосословные. “Сословность” в данном случае определяется не законодательно закрепленной неизменностью социальных страт, а исчезновением общедоступного социального пространства, приватизацией и феодализацией общественной сферы и, соответственно, корпоративизацией социальной ответственности. В этом современная эпоха как раз и напоминает ситуацию до-модерна: если ранее имела место единая социальная сфера при отсутствии социальной мобильности, то на сегодняшний день налицо социальная мобильность в условиях многообразия пришедших на смену единому пространству замкнутых сообществ, единственно “говорящим” из которых является новое сословие элиты, определяемое по присущим ему “антиценностям”. При этом обозначенная ситуация — вовсе не аномалия или исключительная особенность Украины или бывших социалистических государств “переходного” типа, а всего лишь сконденсированное выражение в них тенденции, характерной для всего глобализированного мира в целом.

Литература

1. Головаха Е.И. Социологическая публицистика. — К., 2001.
2. Феномен Зиновьева—80. — М., 2002.
3. Ріктор Т.Л. Владна еліта в умовах нестабільності українського суспільства. — К., 2007.
4. Рудич Ф. Правляча еліта: її місце і роль в утвердженні української держави // Політичний менеджмент. — 2008. — № 2. — С. 3–14.
5. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. — М., 2002.
6. Macpherson C.B. Democratic Theory: Essays in Retrieval. — Oxford, 1973.
7. Казарлицкий Б.Ю. Реставрация в России. — М., 2003.
8. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI в. — М., 2004.
9. Crouch C. Post-Democracy. — Cambridge, 2004.
10. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. — Frankfurt a. M., 1990.

11. *Медведева И.Я., Шишова Т.Л.* Новое время — новые дети? — http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/ALARM/NOV_CONT.HTM.
12. *Staniszki J.* Revolutionäre Eliten, pragmatische Massen: Der Pyrrhussieg der polnischen Populisten // Osteuropa. — 2006. — № 11/12. — S. 7–13.
13. *Толстоухов А.В., Паранан И.Г., Мелков Ю.А.* От постдемократии к демократии: назад в будущее // Практична філософія. — 2007. — № 4(26). — С. 125–140.
14. *Barber B.* Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. — Berkeley, 1984.
15. *Местр Ж. де.* Петербургские письма: 1803–1817. — СПб., 1995.
16. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. — 1992. — № 2. — С. 118–124.
17. *Этциони А.* От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. — М., 2004.
18. *Barber B.* An Aristocracy of Everyone: the Politics of Education and the Future of America. — N.Y., 1992.